

крупнейших университетов Петербурга (СПбГУ, СПбГУКИ, РГПУ им. А. И. Герцена), вызывает интерес не только у слушателей традиционных гуманитарных специальностей, но и у студентов естественнонаучного цикла подготовки. На курсы, посвященные Петербургу, с удовольствием приходят слушатели, приехавшие учиться из-за рубежа.

Представляется, что реализация образовательных программ, связанных с историей и культурой Петербурга, внесет значительный вклад в общее дело совершенствования подготовки специалистов в условиях интенсивного вхождения России в международное образовательное пространство.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003. С. 42.
2. Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций / Составление, подготовка текста Д. С. Московской. М., 2009.
3. См.: Уваров М. С. Поэтика Петербурга. СПб., 2011. С. 46–52.
4. Повесть В. Шефнера «Сестра печали» лишь подтверждает этот факт: один из лучших прозаических текстов о трагедии ленинградской блокады дополняется писателем сказками, в которых блокады вообще нет!

Л. Н. Летягин

ГОРОД UNIVERSUM'А

Санкт-Петербург открывает принципиально новую страницу отечественного «градового смысления». Металандшафт Мирового города — в соответствии с античной традицией — раскрывается и уточняется в своих ключевых значениях «над», «через» и «после». В этом убеждают исторические примеры формирования всех новых geopolитических центров — от полуостерпой в мировой истории Омарны Эхнатона к Хеврону (Иерусу) царя Давида, а затем имперски возросшему Византию Константина Великого.

Обретенный градостроительный пример продолжится в декларируемом Т. Джейферсоном и П. Лафтаном облике Вашингтона, дополнится планировочными решениями Лусио Кости и О. Нимейера в Capital of Brazil и, наконец, ускоренными темпами воплотится в архитектуре современной Астаны. Как отмечал Ю. М. Лотман, «различные исторические и культурные события имеют разные радиусы своих траекторий» [1]. Однако каждый Мировой город способен воплотить и сохраняет в своем облике универсальную память человечества. Аутентичная модель его культуры обращена не к совокупности накопленных результатов, а вероятностной логике их воспроизведения.

Эстетика российского национального ландшафта в его временном самоопределении развивалась от софиологии «простора» к точке концентрации национальных интересов (С. М. Соловьев). Северная столица возникает в ходе Северной войны «на задворках» России и Швеции. Закономерно, что события, определявшие начальную судьбу Санкт-Петербурга — Нарва и Полтава, происходят на пересечении важнейших европейских коммуникаций, и поэтому (пока что) на значительном от него удалении.

Показателен факт, в какой мере типологические характеристики сопредельных пространств (лимитров) актуализируют формирование констант национального мировоззрения. В конце XV столетия осмысление новой роли Московского государства в мировом историческом процессе будет предложено старцем Псковского Елеазаровского монастыря Филофеем на дальней западной русской окраине. Вместе с тем рождение концепции «Мо-

сква — Третий Рим» имело более серьезные «генетические» предпосылки. Она определилась значительно раньше — в первые годы распространения христианства и вне географических пределов «Московии». Апостол Андрей, собравший в опыте своего паломничества пределы будущей Руси, был родным братом Ап. Петра. Евангельский текст, таким образом, позволял значительно расширить «хронотоп» российской государственности, что имело для отечественной истории и культуры особый символический смысл.

В отечественных «азбуковниках» XVI–XVII вв. «градовное смыщление» представлено как языковая калька древнегреческого *πολιτική* (от *πόλις*) и отражало совокупное знание о системе политических учений. Применительно к Санкт-Петербургу, в соответствии с мировоззрением Нового времени, данное понятие раскрывается в принципиально ином значении — как образный планировочный концепт, реализующийся в продуманной системе градостроительных установок. Отражая определенный идеально-политический смысл, «градовное смыщление» приобретает «зримые» функциональные характеристики, активно присваивает новые содержательные аспекты. Эстетическим воплощением данной тенденции станет образная структура новой российской столицы с ее идеей регулярности и строгой регламентированности.

Вопрос о местоположении Петербурга оставался дискуссионным даже тогда, когда убедительность воплощения его градостроительной схемы не вызывала сомнений. «Правду сказать, Петр 1-й близко сделал столицу...», — записал со слов Екатерины II ее статс-секретарь А. В. Храповицкий. От себя лично он дополнит: «NB. Он [Петр I] ее основал прежде взятия Выборга, следовательно, надеялся на себя...» (уточняющий комментарий сделан в июне 1788 г., на фоне «начатия военных действий» между Россией и Швецией) [2].

Записи Храповицкого могут быть дополнены мнением Гете (никогда, впрочем, не бывавшего в Санкт-Петербурге): «Местоположение Петербурга — непростительная ошибка, тем паче что рядом имеется небольшая возвышенность, так что император мог бы уберечь город от любых наводнений, если бы построил его немного выше, а в низине оставил бы только гавань...» [3]. (Ср. с «Петербургскими записками 1836 г.» Н. В. Гоголя: «В самом деле, куда забросило русскую столицу — на край света! <...> Выкинет штуку русская столица, если подсоседится к ледяному полюсу...»).

Не ограничивавшийся аргументами обычного утилитаризма Петр Великий формирует и новое представление о городском ландшафте. В новоевропейской истории это был первый практический пример строительства столицы «набело» — на «неосвоенном» ранее месте. Санкт-Петербург был замыслен его создателем и возник как Град и только воплощался на протяжении веков как город. Идея Града для обывательского сознания неутонта, что предопределяло в дальнейшем многочисленные смысловые смещения. Мировой город существует вразрез с тем, «како подобает жительствовати» (отсюда правомерный образ «умышленного города» у Ф. Достоевского).

И заложил империи оплот,
Себе столицу, но не город людям...
А. Мицкевич. *Дзяды* (перев. В. Левика)

По утверждению Ю. М. Лотмана, «Петербург был своеобразным экстерьером императорской России, обращенным к Европе». Фасады «культурной столицы» выступали как идейные и материальные «оболочки» столичного мифа, разворачивавшегося вокруг «географической оси истории». В этом контексте показателен факт, что на Пулковском меридиане, в его географической протяженности, «сопали» такие мировые центры, как Санкт-Петербург, Минск, Киев и Александрия Египетская.

Петербург — открытый город. Эта устойчивая характеристика городского ландшафта воспринимается вполне законной частью того культурного опыта, который был унасле-

дован Российской столицей от имперского Рима. Укорененному в общем сознании представлению о Петербурге как городе европейском не могли (и уже не могут) повредить подчеркнуто отрицательные или испуганно-анекдотические оценки самих европейцев. В системе национальных «установок на восприятие» одиноко скромным остается голос отечественного «эксперта» — поэта В. Романовского:

Кто воспоет тебя достойно,
О град Великого Петра,
Великолепный, дивно-стройный,
Восточных вымыслов игра!

«Восточных вымышлений игра...» отстаивает для Северной Пальмиры права на особенность национальной судьбы, однако при непременном условии сохранения формата «европейского мышления». Символом «открытости» новой России стала емкая пушкинская формула «все флаги в гости будут к нам...» — их актуальное присутствие становятся обязательной приметой невского пейзажа.

Чыи корабли на рейде отдыхали, —
А воды, не струясь, под ними отражали
Все флаги пестрые в Неве...

— будет писать А. Фет в стихотворном «Ответе Тургеневу» (1856). Реминисценции пушкинского образа составляют вполне устойчивую традицию в русской литературе, реальное начало которой — в наследии поэтов XVIII столетия:

...А ныне там, где скромно крались
Рыбачьи челны близ берегов,
С бесценным бременем помчались
Отважны сонмища судов.
Ермий, сей купли вождь, со славой
Развешивая легкий флаг,
Меж полюсами на зыбах
Летит с гордыней величавой,
Летит то с севера на юг,
То с запада в восточный круг...

Семен Бобров.

Торжественный день столетия от основания града
Св. Петра мая 16 дня 1803

Хорошо известно, что первый торговый корабль под иностранным флагом появился в будущей столице летом 1703 — в год ее основания. Для Пушкина положение Петербурга как культурного и торгового перекрестка определялось принципами географического детерминизма:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно...

Петербургский взгляд на Европу не поддавался однозначной оценке, и «амбивалентность» пушкинской метафоры закономерно породила в отечественной литературе множество самых недвусмысленных истолкований:

Петра Первого «окошко»
С толстой рамою двойной,

Запад виден там немножко,
А Восток весь за стеной...
Сперанский. Тоска по родине (1860)

Как долго в полуслне зевая,
Мы лбом совалися в окно!
Мысль не влетала к нам живая:
От ней хранило нас оно
Своими стеклами двойными!
Александр Яхонтов. Окно в Европу (1863)

С изменением исторической злобы дня на протяжении XIX столетия бытовые метафоры приобретают новые оттенки и все в большей степени повышают свой политический тонус [4].

Ты всё ещë
Пытаясь, Европа,
Закрыть к себе
Петровское окно.
Вас. Фёдоров. К Западной Европе

В этом контексте наиболее показательны предостерегающие строки А. Блока и их поздние реминисценции:

Царь! Ты опять встаёшь из гроба
Рубить нам новое окно?
И страшно: белой ночью — оба —
Мертвец и город — заодно...
Александр Блок (1911)

Грозит он в сторону заветного залива,
И в блеклом небе посреди потухших звезд
Он рубит новое окно...

Константин Еремин. На Малой Невке

Различные исторические проекции рассматриваемого образа по-своему точно подытожит (со ссылкой на художника И. Кускова) М. Л. Гаспаров: «Петр I прорубил в Европу окно, но не дверь — смотри, но не суйся. И даже не окно, а вас-исдас...» [5]. Под этим углом зрения следует рассмотреть некоторые актуальные производные «открытости» Петербурга, наиболее емким выражением которых выступают его толерантность и веротерпимость.

С первого дня своего существования Петербург становится многонациональным и многоконфессиональным европейским центром. Экономические приоритеты в значительной степени предопределили тот факт, что Северная столица России формируется как полирелигиозное пространство. «Торговля в Петербурге должна <...> весьма утверждать свободное отправление религиозных обрядов, которое дозволяется здесь иностранцам» [6], — отметит автор одного из ранних описаний столичного города (первого на шведском языке). В этом же источнике содержится важное указание, что в Петропавловской крепости с момента ее основания «есть <...> немецкая и русская церкви» [7] — первый Петропавловский собор и церковь Св. Анны.

Однако отмеченные факты пространственной соположенности учитывают и столь же очевидную для современника оппозицию *противо-поставленности*: «немецкая и русская

слободы <...> построены на разных островах». Русская слобода стоит под прикрытием крепости, и в ней «живут только русские и финны, но не иностранцы <...> Немецкая слобода совершенно отделена от крепости и от русской слободы рекой Невой...» [8].

Аналогичной (и, можно утверждать, типологически исконной) была планировка большинства русских приграничных торговых центров. Классическим «подстрочником» Новой столицы представляется пример средневекового Пскова. Объединяющим элементом структуры городов станет положение храмов Св. Троицы — главного собора Пскова и первого, поставленного «в знак благодарения Триединому Божеству», кафедрального собора Петербурга. (Оба памятника будут знаковыми для петровской эпохи; завершение постройки одного и начало возведения другого разделяют всего 12 лет). Диалог духовных святынь оказывается дополнен системой общих градообразующих принципов. Псковский Кремль и все протяженные крепостные сооружения были возведены на правом берегу р. Великой, а на противоположном (как, позднее, в Петербурге) будут располагаться немецкий, шведский и иные торговые дворы. Та же оппозиция «правого» и «левого» отличала положение Ивангорода по отношению к Нарве.

Металандшафт — это установка на восприятие «горного» измерения города. Таков взгляд на Москву с высоты колокольни Ивана Великого — высоты птичьего полета, обозначающей идеальные координаты пространства. Петербургская «вертикаль» истории предлагала рассмотрение пространства Мирового города в относительной одновременности прежних и новых смыслов. Именно поэтому столь актуальными для формирования планировочных решений «столичного града» представляются критерии исторического ретроспективизма.

«Невская перспектива» как часть Нептунова трезубца, а затем приоритетный центр городской застройки была проложена от Адмиралтейской верфи в сторону Александро-Невской лавры — к месту, которое мыслилось основателем города как «исторический топос» битвы легендарного русского князя со шведами. Символическое замещение устья Ижоры и р. Черной (Монастырки) в качестве пространственной «ошибки» могло быть сознательно предопределено замыслом русского царя.

Значимые для визуального восприятия градостроительные доминанты, выделявшиеся на фоне рядовой застройки Московской стороны, — шпиль Адмиралтейства и купол Троицкого собора — стали символическими детерминантами новой столицы. Невский проспект актуализировал в сознании современников не пространственные, а хронологические координаты, связывая в ценностный контекст год 1704 и год 1240. Так обозначалось смысловое единство прежнего летописания и новейшей хронологии, когда логика исконной мотивированности находила свое продолжение в акте военной и политической совершенности. Пространственная контекстуальность города становилась выражением исторического предопределения. Невский проспект возникает как «ось времени», относительно которой формируется в качестве композиционного целого полутысячелетний период отечественной истории с его проекцией в будущее. Закладка Новой столицы происходила «перед лицом всей Европы» и имела форму исторического ответа.

Хрестоматийно-устойчивая сторона «европейского» облика Петербурга — миф его регулярности, к которому неизбежно подключается «внутренний спор» российских столиц. «Москва создана веками, Питер миллионами» (В. И. Даль. *Пословицы русского народа*). Взаимная полемика метрополий определилась с самого начала петровских преобразований («когда он знакомил с империей царство...») — различием мировоззрений, бытовых укладов, форм повседневности. Прямой, как стрела, Невский проспект — воплощение принципов рационализма, свойственных духу эпохи Просвещения. Петербург — «город фасадов», древняя же столица славилась (по крайней мере в прошлом) не всегда благоустроенными, но зато уютными «московскими двориками». Отличались

обе столицы и своим пониманием художественных стилей — так формировались региональные типологические особенности, очевидные не только для специалистов-архитекторов. Если ампир петербургский — подчеркнуто официозный, выделяющийся на фоне рядовой застройки, то ампир московский — домашний, по-соседски уживающийся с памятниками более ранних и более поздних эпох; московский модерн — «согревает» изнутри, петербургский — в лучшем случае «зашщищает» от внешнего «холода».

Противопоставление Москвы и Петербурга на протяжении трех столетий (теперь, правда, все чаще с иных позиций) считается «хорошим тоном», и количество текстов, отразивших эту взаимную полемику, могло бы составить не одну полноценную хрестоматию. Не акцентируя данной проблематики, позволим привести только один пример. «В 1887 году я вышла замуж и переехала в Петербург, — вспоминала писательница Лидия Авилова. — Мне нравилось переменить жизнь так, чтобы старая и новая совершенно не походили одна на другую с внешней стороны. На Б. Итальянской, рядом с пассажем, <...> я нашла квартиру в 5 комнат, выкроенную так хитро, что окно гостиной сходилось под острым углом с окном столовой, а окна спальной и смежной комнаты <...> выходили в такие узкие и глубокие колодцы- дворики, что даже в самый яркий, солнечный день в них было темно. Таких домов <...> я в Москве не видела. Это было совершенно ново...» [9].

По отношению к московской квартире (где ситуация любого доходного дома, казалось бы, определялась теми же экономическими условиями) вряд ли можно было сказать, что она была «выкроена». Запутанная и «сбивчивая» планировочная ситуация петербургского дома определялась вовсе не удаленностью от парадного центра («чтобы выйти на Невский, надо было только пройти через пассаж или по короткой Михайловской улице»).

Замысленный Петром Великим «Парадный Парадиз» на протяжении всего своего существования соответствовал по преимуществу лишь первой части «исторического определения» (и явно за счет второй). Именно поэтому оборотная сторона планировочной «симметрии» Петербурга всегда сохраняла ощущимый «национальный акцент».

Во второй половине XVIII в., когда на Невском формируется культурный и торговый центр столицы, на нем почти одновременно оказываются построены храмы всех основных христианских конфессий. Град Св. Петра возникает на невских берегах как столица Христианского мира, и потому закономерно, что главная его «перспектива» мыслится наглядным примером созидания архитектоники христианского единства. Д. Лихачев с полным основанием называл Невский проспектом веротерпимости (более раннее определение Невского как «*Rue de tolerance*», которое предлагается в своем «Путешествии по России» А. Дюма, необходимо прокомментировать дополнительно, но чуть позже).

На обширном участке главной городской магистрали — от Полицейского моста на р. Мойке (которая служила естественной границей Петербурга в начале Елизаветинской эпохи) до моста Аничкова на Фонтанке, рядом с которым расположился дворец фаворита императрицы — на протяжении всей второй половины XVIII столетия последовательно выстраиваются (а в XIX в. уже и перестраиваются) соборы и церкви, наглядно воплотившие идею межконфессионального диалога.

Вслед за зданием Голландской церкви, занимавшей целый квартал до Большой Конюшенной улицы (современный храм — П. П. Жако, 1831–1835 гг.), следующий квартал традиционно заполняли строения немецкой лютеранской общины (современный собор Св. Петра — А. П. Брюллов, 1833–1838 гг.). Далее, за Екатерининским каналом, располагался католический костел Св. Екатерины (Ж. Б. Валлен-Деламот, А. Ринальди; 1763–1783 гг.), одновременно с ним напротив Гостиного двора в память Св. Екатерины строился армяно-григорианский храм (Ю. М. Фельтен; 1771–1780 гг.).

Поставленные «по-соседски» храмы символизировали вероисповедальную открытость Петербурга. И отечественные, и зарубежные исследователи видели в этом «“плюрали-

стическую концепцию”, которая была заложена по преимуществу уже в петровском проекте» [10].

Вместе с тем очень важно обратить внимание на планировочные и градостроительные особенности центра столицы, учитывавшие архетипы, укоренившиеся в национальном сознании задолго до наступления революционной и поворотной петровской эпохи. Все «инославные» христианские храмы выстраиваются «одной линией» на левой стороне Невского проспекта, с правой стороны которого возвышается православный Казанский собор (в эту оппозицию композиционно включаются евангелическо-лютеранские финская церковь Св. Марии (1803–1805; 1871 гг.) и шведская церковь Св. Екатерины (1780; 1863–1867 гг.) на Большой и Малой Конюшенной улице, с одной стороны, и домовые церкви Строгановского и Аничкова дворцов, с другой).

Отмеченный факт пространственной противоположности воспринимается как оценочное утверждение, подчеркивающее авторитет православия, т. е. выступает характеристикой мировоззренческого порядка. Петербург — это город имперского диалога. В «симметрии» Невского проспекта оказались расставлены неслучайные смысловые акценты, так как приоритеты экономического партнерства не могли распространяться на равенство позиций в сфере духовной. (Предложенная типологическая ситуация представляется вполне убедительной до начала 1840-х гг., когда город развивался в хронологических и пространственных пределах «Пушкинского Петербурга»).

Оппозиция «правого» и «левого» может быть уточнена замечаниями Н. В. Гоголя о Невском проспекте как о «всеобщей коммуникации» и «петербургской витрине». «Солнечная» и «теневая» стороны Невского обозначают не менее актуальную «экономическую оппозицию» по-европейски аристократичного «Пассажа» и разночинно-купеческого Гостиного двора.

Вошедшее «с легкой руки» А. Дюма в петербургский смысловой обиход определение Невского как «улицы терпимости» почти сразу приобретает дополнительные «недвусмысленные оттенки», отражавшие актуальный фон городских реалий. (Так, А. Ф. Писемский в критическом разборе романа М. Авдеева «Подводный камень» (ключевой темой которого была «свобода проявления чувств») будет говорить о «неотвратимых законах судьбы и природы, по каким солнечная сторона Невского проспекта привлекает вечерних посетителей и посетительниц, а магнит притягивает железо» [11]).

Вопреки доминированию бытовых реалий Петербург остается пространством идеальным, в котором находит специфическое преломление и система планировочных концептов, и история идей. В большом времени культуры оппозиции «мыслимого» и «реально-го» нередко подменяют друг друга. Кто сегодня воспринимает водное пространство между Стрелкой Васильевского острова, Петропавловской крепостью и Зимним дворцом как главную площадь столицы морской империи? Лишь в последнее десятилетие в системе городских коммуникаций стала возрождаться основная когда-то точка зрения на город — с поверхности воды, с борта партикулярного судна. (Именно так воспринимал Санкт-Петербург приехавший в Россию в 1839 г. маркиз де Кюстин). Ускользающие в городской повседневности значения — не значит ушедшие навсегда.

Как утверждал У. Эко, «стремление видеть вещи поочередно или последовательно перемещающимися в различных точках пространства явно указывает и на относительность времени или одновременность происходящего в нем» [12]. Петербург — пространство многих городов. Это особенно очевидно, когда мы пользуемся такими устойчивыми метафорами, как «Петербург» Пушкина, Гоголя, Ахматовой, Блока, Мандельштама. Хронологически совпадающие города никогда не совпадают топографически. Это принципиально различные ценностные пространства. Город Пушкина зачастую (и даже по преимуществу) не связан с реальными биографическими адресами поэта, в отличие от

Петербурга Достоевского, который всегда живет «по соседству» со своими героями. Вместе с тем образ города, который в оценке А. Ахматовой предстает как «достоевский и бесноватый», больше, чем просто биографический.

Металандшафт — в меру своей идеальности — понятие условное. Специфика «большой композиции» полноценно раскрывается в большом времени мировой культуры, когда просто невозможно говорить о конвенциональной основе, объединявшей реальные усилия ее творцов.

Архитектурные ансамбли Петербурга — одно из зданий, а потому наиболее ярких слагаемых петербургского мифа. Избегая буквальных прочтений городских ландшафтов, прямолинейного отождествления классических ансамблей и политических идей, позволительно указать на степень *оче-видности* отразившейся и запечатленной в них культурной памяти. К этой значимой, но не бесспорной составляющей петербургского текста применима мысль В. Ф. Одоевского: «Если этот анекдот был в самом деле, тем лучше; если он кем-либо выдуман, это значит, что он происходил в душе сочинителя; следственно, это проишествие все-таки было, хотя и не случилось...». Ракурс конгениального восприятия города определяется не выбором удачных видовых точек, а ценностной позицией наблюдающего субъекта. Опыт личных открытий не может быть выражен абстрактной «совокупностью всего», условной *summa rerum*. Возможные искажения изначально заданного идеального плана, баланс неопределенности и классической формы приобретают в Петербурге особый смысл, когда сама эфемерность (*έφύμερος*) белых ночей становится мерой постижения его главных загадок и тайн.

Открытие Петербурга не может строиться от дома — к дому, так как раскрывается в действительности от мира — к миру. В этом и заключается его уникальный культурный статус — не ойкоса, а целой ойкумены. Ясность и цельность его образных форм детерминирована кристаллизацией внутренних значений. Новые знания о городе не прибавляются к известным фактам, не суммируются, а синтезируются. Они не могут репродуцироваться. По Законам Творения и принципам творчества они порождаются вновь и вновь.

Санкт-Петербург принадлежит к числу городов, вместивших и отразивших ключевые мировые тенденции. Категории универсального всеединства выступают наиболее актуальной частью его культурного настоящего. Целостный образ Города определяется не абстрактными моделями презентации, а сущностной потребностью человеческого сознания, его ценностными структурами. Именно в этом заключаются методологические вызовы петербурговедения.

Онтологический *universum* раскрывает свой идиоматический смысл в единстве актов бесконечного обновления (лат. *verto /versus, versum/ восходит к праиндоевроп. *wer* «вертеть» [13]). Это позволяет интерпретировать универсальную открытость Мирового города по законам художественного текста. В его образной структуре конкретные исторические слагаемые приобретают побудительные качества событийных «множителей». Как отмечал У. Эко, «под “произведением” мы понимаем объект, наделенный определенными структурными свойствами, которые допускают, но в то же время координируют чередование истолкований, смещение перспектив» [14]. Нелишним, однако, будет напомнить, что Санкт-Петербург был задуман своим создателем как город «исключительно перспективный». Воплощенная в нем география идей сохраняет для нас свой пространственный след как завет, указание, путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры / Подг. текста и прим. Т. Д. Кузовкиной при участии О. И. Утгоф. Таллинн: TLU Press, 2010. (Bibliotheca LOTMANIANA). С. 159.
2. Храповицкий А. В. Памятные записки. М.: Университ. тип., 1862. С. 72.

3. Эккерман И.-П. Разговоры с Гете. М.: Художественная литература, 1981. С. 328.
4. Исаченко Г. А. «Окно в Европу»: история и ландшафты. СПб., 1998. 166 с.
5. Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 380.
6. Ларс Юхан Эренмальм. Описание города Петербурга, вкупе с некоторыми замечаниями // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. С. 96.
7. Там же. С. 92; см. также comment. С. 98.
8. Там же. С. 91, 92.
9. Авилова Л. А. Рассказы. Воспоминания. М.: Советская Россия, 1984. С. 231.
10. де Микелис Чезаре Дж. Вальденсы в Петербурге // Образ Петербурга в мировой культуре: Материалы Международной конференции (30 июня — 3 июля 2003 г.) [/ Отв. ред. В. Е. Багно]. СПб.: Наука, 2003. С. 395; ср.: «Католический элемент вписан в структуру города наравне с православным, подобно тому как островок европейской аристократической цивилизации органично соединен в восприятии иностранцев с азиатской обстановкой». Черных М. А. Католический облик православной столицы // Там же. С. 448.
11. Писемский А. Ф. Собр. соч.: В 9 т. М.: Правда, 1959. Т. IX.
12. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Академический проект, 2004. С. 183.
13. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. I. С. 301.
14. Эко У. Там же. С. 7.

К. Г. Исупов

URBI ET ORBI, ИЛИ ПОЧЕМУ В ПЕТЕРБУРГЕ ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ УМНЕЕ?

Как известно, дураков везде хватает. Но есть дураки перманентные, а есть регулярные. В Петербурге трудно быть дураком [1]. Мировой опыт шутовства и дурачества, юродства и чудачеств показывает, что всякого рода карнавализация обыденного идет обыденному на пользу. Только в Петербурге могли объявиться славные митьки, которые в своих эскападах демонстрируют что угодно, кроме одного: ложное самоуничижение. Это люди умственной наивности, за которой стоят серьезные претензии ко всякой мнимой значительности.

Петербург как-то по-особенному «выпрямляет» человека и делегирует ему возможности оперативной деконструкции личности, т. е. разрушения-созидания в режиме персоналистской самосборки. Почему эта пропедевтическая функция выпала именно Невской столице и какие ее качества тому способствовали?

* * *

Непосредственный опыт общения с людьми, выросшими в Петербурге, убеждает в наличии особого рода суггестии [2], эманируемой Городом; результатом ее действия оказывается ряд аксиологических стратегий, предоставленных на выбор объектам фасцинации.

Вкратце их можно свести к трем моделям; ниже мы суммируем их поведенческие симптомы.

Модель 1. Она характеризуется повышенным эмоционально-волевым фоном, на котором воспринимаются факты обыденной реальности. Здесь полезно разделить 'факт' и 'событие'. Факт — это простейшая наличие повседневной действительности, не вписанная в каузальный ряд, это «жизни пестрый сор» (Пушкин). Но факт, способный развиться до способности детерминировать другие факты, начинает бытийствовать в слож-